

**Виктор Дмитриевич Кудрявцев-
Платонов**

Сочинения

Том III. Выпуск 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В43

Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов
В43 Сочинения: Том III. Выпуск 3 / Виктор Дмитриевич Кудрявцев-Платонов – М.: Книга по Требованию, 2013. – 350 с.

ISBN 978-5-458-04931-3

Посмертное издание собрания сочинений видного представителя русского теизма – профессора Московской Духовной академии и Председателя Братства Преподобного Сергия. Несмотря на то, что в истории русской философии Кудрявцев-Платонов не получил известности как основатель оригинальной философской системы, его по праву считают превосходным философским писателем и талантливым выразителем идеи непротиворечивого сочетания философского мирозерцания и христианского учения. Структура трехтомного издания построена на курсе лекций, читанных Кудрявцевым-Платоновым в академии, и созданном им учебнике по философии. В первом томе представлено введение в философию и цикл статей по гносеологии, второй том посвящен исследованиям в естественном богословии, и, наконец, в третьем томе собраны его работы по космологии и рациональной психологии.

ISBN 978-5-458-04931-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Издаваемымъ третьимъ выпускомъ третьяго тома сочиненій Виктора Димитріевича Кудрявцева—Платонова собственно заканчивается ихъ изданіе, предпринятое Братствомъ Преподобнаго Сергія. Издатели не считаютъ, однако, свое дѣло вполне сдѣланнымъ и намѣрены чрезъ нѣкоторое время издать еще дополнительный томъ. Въ трехъ уже изданныхъ томахъ помѣщены всѣ напечатанныя самимъ В. Д. изслѣдованія и статьи по философіи. Въ дополнительный томъ войдутъ (въ цѣломъ видѣ или частями) сочиненія его, оставшіяся въ рукописяхъ, а равно сочиненія напечатанныя, но не помѣщенные въ изданныхъ уже трехъ томахъ, какъ не относящіяся къ философіи.

Такъ какъ содержаніе отдѣльныхъ изслѣдованій и статей въ оглавленіяхъ представлено лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, то къ издаваемому третьему выпуску третьяго тома приложенъ краткій указатель собственныхъ именъ, соединенный иногда съ указателемъ предметнымъ.



ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИДЕЯ И МАТЕРІАЛИЗМЪ*).

„О чемъ шумить сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль“?...

К о л ь ц о в ь .

Если бы поэтъ захотѣлъ обратиться съ подобнымъ вопросомъ къ современному, окрашенному матеріалистическимъ отѣнкомъ, естествознанію, то, конечно, сейчасъ же получилъ бы отрицательный отвѣтъ, еслибы только серьезная наука удостоила отвѣтомъ вопросъ поэта. Какая можетъ быть мысль въ царствѣ природы, гдѣ все идетъ по вѣчно неизмѣннымъ законамъ, гдѣ нѣтъ ни сознанія, ни разума, ни воли, гдѣ слѣпо дѣйствуютъ необходимые физическіе и химическіе агенты? Самый вопросъ подобнаго рода не есть серьезный вопросъ науки, но мечта поэтической, все олицетворяющей и все оживляющей фантазіи. Если не только поэзія, но и наука искала нѣкогда, въ періодъ несовершенства естествознанія, разумныхъ мыслей и разумныхъ цѣлей въ природѣ, говорила о какихъ-то конечныхъ причинахъ, то это отъ того, что она не вполнѣ еще отрѣшилась тогда отъ теологическихъ и материалистическихъ предразсудковъ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности въ природѣ нѣтъ, и влагать въ природу мысли, цѣли

*) Эта статья напечатана была въ „Православномъ Обзорѣніи“ за 1878 годъ.

значить допускать своего рода олицетворенія, извинительныя поэту, но не естествоиспытателю.

Но иначе относится къ подобному вопросу религіозное сознание и общій здравый смыслъ человѣка.

Что съ самыхъ древнихъ временъ мысль о разумности природы, стройности и цѣлесообразности ея предметовъ и явленій была глубокимъ, хотя не всегда ясно и разумно сознаннымъ, убѣжденіемъ, доказательствомъ тому служатъ самые факты обоготворенія различныхъ предметовъ и явленій природы въ политеистическихъ религіяхъ. Человѣкъ потому и смѣшивалъ эти предметы и явленія съ божественнымъ началомъ, что видѣлъ въ нихъ совершенство и иначе не могъ объяснить себѣ этого явленія въ нихъ, какъ приписать имъ тотъ же разумъ, ту же живую душу, которая находилась и въ немъ самомъ. Конечно, онъ скоро замѣчалъ, что очаровавшее его въ томъ или другомъ предметѣ природы совершенство вовсе не есть абсолютное или божественное и переходилъ, поэтому, отъ одного предмета къ другому въ неудовлетворенномъ религіозномъ стремленіи къ высочайшему совершенству. Но, тѣмъ не менѣе, и лишая предметы природы божественныхъ качествъ, онъ не переставалъ видѣть въ нихъ творенія, достойныя своего виновника. Могутъ ли быть лишеными совершенства произведенія всесовершеннаго существа? Могутъ ли быть неразумными произведенія высочайшаго разума? Могутъ ли существовать безъ смысла и цѣли произведенія Создателя, о всемъ промышляющаго и все направляющаго ко благу?

Но, и независимо отъ религіи, мысль о разумности природы, о цѣлесообразности ея отдѣльныхъ предметовъ всегда предносилась уму человѣка и служила часто мотивомъ въ его изслѣдованіи природы. Человѣкъ не только любилъ узнавать, гдѣ и какіе существуютъ предметы природы, но и допытываться, для чего тотъ или другой предметъ существуетъ такъ или иначе, какъ онъ устроенъ, чтобы произвести то или другое дѣйствіе? При этихъ вопросахъ онъ исходилъ изъ того убѣжденія, что предметы природы существуютъ не случайно и безъ смысла, но для какой-нибудь разумной цѣли, и доискиваться этой цѣли было одною изъ интереснѣйшихъ задачъ для человѣческаго ума, обращеннаго къ природѣ. Конечно, при этомъ онъ встрѣчалъ много, и часто очень обыкновенныхъ,

предметовъ, цѣли которыхъ онъ никакъ понять не могъ; объясненія цѣли другихъ были очень мелочны и поверхностны; но, тѣмъ не менѣе, несмотря на частныя неудачи, ни общее убѣжденіе въ разумности природы, ни частныя попытки ближе объяснить, въ чемъ именно состоитъ эта разумность въ отдѣльныхъ предметахъ, никогда не исчезали и не исчезаютъ въ области обыкновеннаго мышленія. Такимъ образомъ телеологическое воззрѣніе на природу, убѣжденіе, что въ природѣ вообще и въ отдѣльныхъ ея сферахъ есть цѣли, къ которымъ она стремится, что эти цѣли достигаются, равно какъ и попытка проникнуть эти цѣли и средства ихъ осуществленія, есть естественная и неискоренимая потребность человѣческаго ума во всѣ времена. Даже можно сказать, что такое воззрѣніе не менѣе, какъ и эстетическое чувство, служитъ главнымъ источникомъ того наслажденія, которое доставляетъ природа человѣку, какъ образованному, такъ и необразованному, и по которому она кажется намъ такъ привлекательною. Безъ этого она, особенно въ тѣхъ частныхъ случаяхъ, гдѣ не представляетъ рѣзкой и бросающейся въ глаза красоты, казалась бы намъ неинтересною, скучною, не говоримъ уже—неспособною къ возбужденію религіознаго чувства.

Итакъ въ рѣшеніи вопроса о цѣлесообразности природы расходятся матеріалистическое естествознаніе нашего времени, съ одной стороны, религіозное сознаніе и общій смыслъ человѣка, съ другой. На чьей же сторонѣ истина? Повидимому, всего лучше обратиться за рѣшеніемъ этого спорнаго вопроса о разумности или неразумности природы къ самой наукѣ разума—философіи и избрать ее судьей въ этомъ дѣлѣ, которое всего ближе ее касается. Но и здѣсь мы не встрѣтимъ желаемаго единогласія мнѣній. Телеологическое воззрѣніе на природу встрѣчаетъ столько же защитниковъ, сколько и антагонистовъ въ исторіи философіи и, что всего важнѣе, въ рядахъ оспаривающихъ эту идею стоятъ не только матеріалисты, но и философы противоположнаго направленія.

Въ философіи вопросъ о цѣлесообразности природы возникаетъ довольно поздно. Въ до-сократовской философіи мысль человѣка главнымъ образомъ была занята вопросомъ о происхожденіи природы. Сократъ первый обратилъ вниманіе на качественныя свойства ея; но его изслѣдованія въ этой об-

ласти имѣють не самостоятельное значеніе; онѣ глубоко убѣждены въ разумности и цѣлесообразности природы и указываютъ на многія явленія ея, особенно въ строгіи человѣческаго организма, но съ тою только цѣлію, чтобы доказать бытіе премудраго Творца и Его промыслъ. Съ той же точки зрѣнія смотритъ на цѣлесообразныя явленія и Платонъ. Первый и истинный основатель философскаго ученія о цѣли природы есть Аристотель. Въ своемъ глубокомысленномъ изслѣдованіи о понятіи причины, онѣ впервые различилъ различныя виды причинъ, именно: матеріальныя, формальныя, дѣйствующія и конечныя. Послѣдняго рода причинамъ онѣ даетъ главное значеніе въ объясненіи происхожденія и устройства природы. Конечная причина есть первоначальная, ибо она заключается въ мысли, а мышленіе есть начало всего, какъ въ искусственныхъ, такъ и естественныхъ произведеніяхъ. Аристотель высказываетъ не разъ основное телеологическое положеніе: природа ничего не производитъ понапрасну *). Вся природа есть стройная система цѣлей, гдѣ низшее подчинено высшему и служитъ для осуществленія высшаго; человѣкъ же есть наивысшая цѣль природы, есть вмѣстѣ и центральное соединеніе различныхъ ступеней развитія, по которымъ проходитъ природа; цѣль природы — создать человѣка. Всѣ прочія ея созданія суть не болѣе какъ постепенныя, болѣе или менѣе удачныя, попытки достигнуть этого вѣнца творенія. Послѣ Аристотеля въ древней философіи съ особенною любовью занимались изслѣдованіями о цѣлесообразности природы стоики. По ихъ ученію, вся природа представляетъ систему цѣлей, въ которой низшее предназначено для высшаго. Каждое существо, говоритъ Хризиппъ, сотворено для другаго, растенія для животныхъ, животныя для человѣка, а человѣкъ для того, чтобы разсматривать вѣчный порядокъ вселенной и подражать ему. Цѣлесообразнѣе устройства міра ничего нельзя и придумать, такъ что міръ можно разсматривать какъ общее большое государство для боговъ и людей **). Противниками телеологическаго воззрѣнія на природу были, какъ и слѣдовало ожидать, матеріалисты. Лукрецій впервые въ своей поэмѣ высказалъ

*) De coel. I, 4: ὁ Θεὸς καὶ ἡ φύσις οὐδὲν μάτην ποιοῦσιν; II, 8: δὲν ὡς ἔτυχε ποιεῖ ἡ φύσις. Тоже: De gener. anim. II, 6; De part. anim. 4, 10; Phys. II, 8.

**) Cicero. De natura deorum. II. c. 12, ib. c. 16.

противъ этого воззрѣнія возраженія, которыя повторяются и въ наше время *).

Схоластическая философія, вѣрная началамъ Аристотеля, приняла какъ несомнѣнное и его положеніе о цѣлесообразности природы, тѣмъ болѣе, что ученіе его здѣсь вполнѣ могло быть соглашено съ христіанскимъ взглядомъ на природу, какъ на прекрасное, хотя и поврежденное отчасти вліаніемъ нравственнаго зла чрезъ паденіе человѣка, произведеніе премудраго Творца. Но частію недостатокъ положительныхъ познаній о природѣ, частію отсутствіе самостоятельнаго, строго философскаго воззрѣнія на сущность и понятіе цѣлесообразности, были причиною тѣхъ поверхностныхъ и легкомысленныхъ сужденій о цѣляхъ различныхъ частныхъ предметовъ природы, которыя, будучи несостоятельными съ философской точки зрѣнія, въ тоже время служили тормазомъ для естественныхъ наукъ. Вопросы о томъ, для чего существуетъ тотъ или другой предметъ природы, отвлекали мысль отъ положительнаго изученія ея законовъ и явленій, а поверхностное рѣшеніе ихъ столько же было бесплодно для философіи, сколько и для естествознанія. Вотъ почему оба родоначальника новой философіи—Баконъ и Декартъ одинаково враждебно отнеслись къ телеологическому изученію природы, хотя ни тотъ ни другой не отвергалъ идеи цѣли вообще и дѣйствительности разумаго устройства міра. Интересъ возстановленія естественныхъ наукъ, униженныхъ схоластикою, былъ главнымъ мотивомъ полемики Бакона противъ ученія о конечныхъ причинахъ. „Конечныя причины, говоритъ онъ, обыкновенно изслѣдовали въ физикѣ, а не въ метафизикѣ; но этотъ превратный порядокъ имѣлъ очень худыя послѣдствія и особенно надѣлалъ много вреда въ физикѣ, потому что методъ конечныхъ причинъ изгналъ въ ней и уничтожилъ изслѣдованіе причинъ естественныхъ. Поэтому натуральная философія Демокрита и другихъ мыслителей, устранявшихъ Бога и духъ въ образованіи вещей, изъяснявшихъ міровой порядокъ изъ игры силъ природы (которую они называли судьбою или случаемъ) и причины отдѣльныхъ явленій выводившихъ изъ матеріальной необходимости, не примѣшивая

*) De nat. rer. IV, v. 832 sqq.

сюда цѣлей,—эта натуральная философія, по отношенію къ физикѣ, была гораздо вѣрнѣе и проникательнѣе теорій Платона и Аристотеля. Изслѣдованіе цѣлей (въ наукахъ естественныхъ) также бесплодно, какъ весталка, посвященная богамъ“. Но это изгнаніе конечныхъ причинъ изъ области естествознанія, по мнѣнію Бакона, вовсе не говоритъ противъ ихъ реальности, но только противъ мѣста, какое они занимали дотолѣ въ области наукъ; мѣсто ихъ изслѣдованія не въ физикѣ, а въ метафизикѣ. Цѣлесообразная точка зрѣнія не исключаетъ физической; напротивъ, онѣ хорошо мирятся одна съ другою. Что въ одномъ отношеніи представляется дѣйствіемъ слѣпыхъ, механическихъ силъ, то въ другомъ отношеніи можетъ представляться полезнымъ и цѣлесообразнымъ; „физика показываетъ намъ законы природы, метафизика ихъ цѣли“ *).

Эти и подобныя, не разъ высказываемыя въ сочиненіяхъ Бакона, ясныя мысли о значеніи телеологическихъ изслѣдованій, повидимому, не даютъ намъ никакого права относить его къ числу отрицателей идеи цѣли, еслибы по какому-то странному недоразумѣнію новѣйшіе противники ея не злоупотребляли въ свою пользу авторитетомъ этого родоначальника новой науки. Но имѣя въ виду то, что Баконъ, сильно настаивая на изученіи причинъ естественныхъ и предлагая методъ и способы и опыты такого изученія, нигдѣ не занимается изслѣдованіемъ причинъ конечныхъ, хотя и отводитъ имъ почетное мѣсто въ области наукъ, легко можно было бы его послѣдователямъ подумать, что только сдержанность и уваженіе къ общепринятому мнѣнію помѣшали ему откровенно высказать свою мысль о совершенной несостоятельности конечныхъ причинъ. Теоретическое признаніе ихъ значенія, при полной невнимательности къ нимъ въ дальнѣйшихъ философскихъ изслѣдованіяхъ, незамѣтно перешло у его послѣдователей сначала въ забвеніе и устраненіе телеологическихъ изслѣдованій, а затѣмъ въ совершенное отрицаніе какого бы то ни было ихъ значенія. Въ этомъ только отношеніи философія Бакона можетъ быть названа враждебною понятію о цѣлесообразности,—именно по тому неблагопріятному взгляду на

*) Nov, Org. Aph. 48. De augm. scient. Lib. 3.

это понятіе, который подъ вліяніемъ его философіи образовался у естествоиспытателей. Впрочемъ должно замѣтить, что такой неблагопріятный взглядъ былъ далеко не всеобщимъ даже въ средѣ Англійскихъ натуралистовъ и философовъ, воспитавшихся подъ вліяніемъ философіи Бакона. Самъ знаменитый Ньютонъ, не смотря на то, что сфера его изслѣдованій въ области природы была совершенно чужда телеологіи, признавалъ полную ея законность и важность въ дѣлѣ познанія природы. „Главный предметъ натуральной философіи, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, чтобы выводить заключенія о феноменахъ, не вымышляя гипотезъ, чтобы восходить отъ дѣйствій къ причинамъ, пока не придемъ къ первой причинѣ всѣхъ вещей, которая, достовѣрно, не есть механическая. Натуральная философія не только должна изъяснить механизмъ міра, но особенно разрѣшить такіе вопросы: откуда происходитъ то, что природа ничего не производитъ понапрасну и откуда рождается этотъ порядокъ и эта красота, которую мы замѣчаемъ во вселенной? Какъ дѣлается, что тѣла животныхъ устроены съ такимъ искусствомъ, и для какой цѣли расположены такъ, а не иначе, ихъ извѣстныя части? Глазъ образованъ ли безъ знанія оптики и ухо безъ знанія акустики?“ *) Можетъ быть вліянію Ньютона, великаго авторитета для Англійскихъ ученыхъ, обязаны мы тѣмъ, что въ Англіи издавна и до сихъ поръ, несмотря на неблагопріятное повидимому вліяніе эмпирической философіи Бакона и его послѣдователей, появляется болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь сочиненій, разсматривающихъ явленія природы съ телеологической точки зрѣнія.

Интересъ оживленія и усовершенствованія естественныхъ наукъ былъ главнымъ мотивомъ враждебнаго отношенія къ телеологическому изученію природы у Бакона. Другой родоначальникъ новой философіи—Декартъ еще съ большею рѣзкостью вооружается противъ телеологическихъ изслѣдованій, но по другой причинѣ. „Мы не останавливаемся, говоритъ онъ въ началахъ своей философіи, на изслѣдованіи цѣлей, которыя Богъ предположилъ въ твореніи міра, и мы совершенно исключаемъ изъ нашей философіи изслѣдованія конеч-

*) *Optique*, quest. 28. *Barni, Examen de la critique de la jugement*. Par. 1850 p. 250.

ныхъ причинъ потому, что мы не должны такъ много думать о себѣ, чтобы вѣрить, будто Богъ хотѣлъ сдѣлать насъ участниками въ своихъ совѣтахъ“. И въ другомъ мѣстѣ: „весь этотъ рядъ причинъ, которыя имѣютъ обыкновеніе извлекать изъ цѣли, не имѣетъ никакого приложенія къ предметамъ физическимъ и естественнымъ, потому что мнѣ кажется, что мы не можемъ безъ безразсудной дерзости изыскивать и стараться открывать непроницаемыя цѣли Божества“ *).

Изъ остальныхъ знаменитыхъ мыслителей докантовскаго періода, Спиноза и Лейбницъ держались совершенно противоположнаго взгляда на значеніе телеологическихъ изслѣдованій. Спиноза находилъ, что идея цѣлесообразнаго дѣйствованія рѣшительно несовмѣстна съ понятіемъ о Существовѣ абсолютномъ, въ которомъ не можетъ имѣть мѣста различіе между намѣреніемъ и исполненіемъ, планомъ или цѣлью и ея осуществленіемъ, потому что всѣ дѣйствія такого Существа слѣдуютъ по закону абсолютной необходимости. „Отъ необходимости природы божественной, говоритъ онъ, должна произтекать безконечность вещей безконечно разнообразныхъ, то есть, все то, что можетъ заключаться въ божественномъ разумѣ“. Представленіе о конечныхъ причинахъ, по мнѣнію Спинозы, есть чистый вымыселъ, которымъ прикрывается незнаніе дѣйствительныхъ причинъ и необходимой связи явленій. „Природа, говоритъ онъ, не предполагаетъ никакихъ цѣлей въ своихъ произведеніяхъ; всѣ конечныя причины не что иное какъ

*) Princ. 28. Medit. 4. § 5. Взглядъ Декарта на конечныя причины не остался безъ вліянія на Французскихъ натуралистовъ, даже тѣхъ изъ нихъ, которые по своему направленію были далеки отъ матеріализма. „Не по конечнымъ причинамъ, говоритъ Бюффонъ, мы должны судить о произведеніяхъ природы. Мы не должны приписывать ей такихъ близорукихъ видовъ, заставляя ее дѣйствовать по моральнымъ приличіямъ, но должны изслѣдовать, какъ она дѣйствуетъ на самомъ дѣлѣ; чтобы познать ее, мы должны имѣть въ виду всѣ физическія отношенія, которыя представляетъ намъ безконечное разнообразіе ея произведеній“. „Сдѣлалъ ли насъ Богъ Своими повѣренными, говоритъ извѣстный натуралистъ Жюфруа Сень-Илеръ, поручилъ ли Онъ намъ говорить за Него? Въмѣсто того, чтобы наблюдать то, что Богъ сдѣлалъ, осмѣливаются мечтать о томъ, что Онъ хотѣлъ сдѣлать. Утверждаютъ напр. не то, что животное летаетъ потому, что имѣетъ крылья, лазаютъ, потому, что имѣетъ острые когти, но напротивъ, что оно имѣетъ крылья потому, что организовано для летанія, когти потому, что организовано для лазанья“. Barni: lib. cit. 232.